

В. Б. КОЛОСОВА
(Санкт-Петербург)

ФЛОРА ФОЛЬКЛОРА: СЕРБСКАЯ ЭТНОБОТАНИКА

Рецензия на: Биље у традиционалној култури Срба (приручник фолклорне ботанике) / Зоја Карановић, Јасмина Јокић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. — 286 с.

После выхода ставшего классикой словаря В. Чайкановича «Речник српских народних веровања о биљкама» [Чайкановић 1984, 1985] в сербской гуманитарной литературе было не так много книг, посвященных народным знаниям о мире растений. Кроме множества небольших публикаций, посвященных различным узким аспектам темы, специального упоминания заслуживают объемная статья М. Шпис-Чулум [Шпис-Ћулум 1995], диссертация М. Джокич [Ђокић 2003] и книга В. Питулич [Питулић 2007]. Вышедший в Нови Саде сборник, несомненно, является событием уже по этой причине, особенно на фоне общей тенденции к смещению исследований от этнографии и фольклора к антропологии. Издание задумывалось как пособие для участников Международной летней школы по сербскому фольклору, организованной Центром изучения сербского фольклора при факультете сербской литературы и факультетом философии в Нови Саде. Однако по охвату материала и качеству статей сборник выходит далеко за рамки обычного учебного пособия. Особенно радует то, что сборник опубликован на двух языках — сербском и английском, что существенно расширяет его потенциальную аудиторию. Некоторые статьи из сборника уже были представлены альманахом «Традиционная культура» в специальной рубрике «Растительный код сербской культуры»¹. Составители не стали делить

¹ Традиционная культура. 2013. № 4. С. 110—166. Из статей, вошедших в рецензируемый сборник, в этой рубрике были опубликованы переводы статей Д. Попович, Я. Йокич, Т. Вуйнович и С. Самарджия. Кроме того, в нее вошли статьи [Сикимић 2013] и [Карановић 2013].

сборник на разделы — что, очевидно, обусловлено небольшим числом статей — однако вошедшие в него работы можно группировать по темам.

Три статьи относятся к жанру фитопортретов, все более популярному в современной этноботанике. Статья З. Каранович «О герани (миф, обряд, магия, поэзия)» посвящена одному из самых значимых растений сербского (и — шире — южнославянского) мифологического гербария (*Geranium macrorrhizum*). Не в последнюю очередь такая важная роль отведена этому растению из-за поверья о его происхождении: этиологическая легенда говорит, что герань (србх. *здравец*) выросла из капель пота Богородицы, спасавшейся бегством из Вифлеема. Таким образом, она относится к божественным, святым растениям. Кроме того, герань — это душистое растение, а им в сербском фольклоре традиционно отводится роль апотропеев. Наконец, это лекарственное растение (что отражено уже в его названии). Используя богатый корпус цитат из фольклорных текстов и этнографических описаний, автор убедительно демонстрирует, что герань — одно из растений, наиболее интенсивно используемых в ритуалах, как календарных, так и жизненного цикла, а также в любовной магии. Как в Сербии, так и в Болгарии его сажают на могилах, что, видимо, говорит о его роли как медиатора в путешествии души на тот свет.

В следующей статье — «Груша в сербской традиционной культуре и устной прозе» — Д. Попович, анализируя материал, приходит к выводу о том, что представления об этом дереве носят противоречивый характер. Автор показывает, что традиционная культура сохранила мифологические представления всех уровней — от древнейших до более современных, включая следы представлений о дереве как о боге, святилище бога, обиталище души. Груша входит в ряд деревьев, которым поклонялись, т. е. она могла выступать как замена храма; с другой стороны, груша является местом обитания демонических существ или душ умерших. Как следствие, с ней связан целый ряд предписаний и запретов, определяющих ее место в обрядовой и магической традиции. Пожалуй, главным достоин-

ством статьи является использование количественных методов, столь редкое в гуманитарных исследованиях. Автор сравнивает количество примеров в различных жанрах сербской устной прозы, где доминирует представление о груше как о дереве, принадлежащем хтоническому миру или же находящемуся на границе человеческого и демонического, что позволяет строить некоторые дальнейшие предположения. Анализируя сюжеты нескольких сказок из собрания Вука Караджича, Д. Попович отмечает факт появления груши в определенных типах сказок и легенд и, более конкретно, обнаруживает зависимость между характеристиками и действиями груши в сказках и конкретными сказочными мотивами по каталогу Аарне-Томпсона. Особо подчеркивается сходство представлений о груше в сербском фольклоре и этнографических материалах. Широкий семантический спектр образов дерева автор связывает с культом деревьев в анимизме и тотемизме, а случаи замены груши на другое дерево — с ослаблением традиционных представлений.

М. Д. Стефанович для своей статьи «Явор в сербской культуре» выбрала менее важное для славянской традиционной культуры дерево. Явор (белый, или широколиственный, клен) не относится к наиболее популярным деревьям сербского мифологического гербария, однако автору удалось собрать достаточное количество материала, чтобы дать всестороннюю характеристику объекту своего исследования — начиная от обзора словарных дефиниций и описания почитаемых священных деревьев и заканчивая примерами ритуального и прагматического использования дерева и его фольклорной характеристикой. В фольклоре явор предстает как растение, которому можно передать болезнь; как обиталище демонических фольклорных персонажей; из его древесины изготавливали *гусле* — инструмент исполнителей сербских эпических произведений, а из сока — лекарственный сироп. Его высаживали во дворе как домашнее дерево-защитник. Широкая распространенность явора на Балканах обусловила большое количество производных от его названия топонимов, а также личных имен. В народных пес-

нях явор часто символизирует жениха. Не ограничиваясь рамками балканской мифологии, автор приводит примеры из месопотамского, кельтского и греческого культурного наследия. Описывая дальнейшие перспективы исследования, М. Стефанович задается вопросом, существуют ли древесные символы со сходными значениями за пределами ареала распространения явора.

Я. Йокич посвятила свою статью «Святые и демонические деревья в сербской фольклорной традиции» более общей теме: культу деревьев в сербской культуре. При этом одни деревья (например, ясень, ель, сосна) связаны со злыми духами, а другие принадлежат божествам: дуб — громовнику, орешник и липа — верховному женскому божеству. В сербском фольклоре сохранились остатки анимизма, согласно которым контакт с деревом осмысливается как контакт с его душой (духом), а вред, нанесенный дереву, — как оскорбление духовной силы, его населяющей. Особо запрещается срубить священные деревья (србх. *запис*), на коре которых вырезан крест. Кроме них существуют деревья, которые также считаются особыми и табуированными, но по другим причинам — они являются пристанищем мифологических существ, и поэтому считаются связанными с хтоническим миром. Как правило, это необычно выглядящее дерево — кривое, с двумя стволами, растущее у воды (т. е. на границе мира живых и мертвых) и под. Автор подробно рассматривает концепт *сеновито дрво* (принадлежащее демоническими созданиям, например вештицам)². Заснув под таким деревом, человек может заболеть, однако преднамеренная ночевка под таким деревом является одним из приемов излечения больных. За срубание такого дерева или даже за намерение грешника наказывают существа, которым оно принадлежит, однако если вред был нанесен невольно, наказания можно избежать, принеся жертву. Как отмечает автор, в почитании таких деревьев элементы христианского культа священного дерева накладываются на языческие ве-

² Србх. *сеновит* буквально означает «тенистый». Однако *сеновито дрво* — это и дерево, связанное с демонами или душой похороненного под ним человека.

рования о деревьях, принадлежащих мифологическим персонажам. Соответственно дерево может быть и злым, и добрым, и полезным, и вредным, и в «общении» с ним важно знать «правила игры» и соблюдать их.

Во второй условный раздел сборника можно объединить статьи, касающиеся символики растений в различных фольклорных жанрах.

Т. Вуйнович рассмотрела «**Функции и значение растений в свадебных песнях из сборника Вука Караджича**». Как отмечает автор, более трети песен из этого сборника содержат упоминания о растениях (39 видов), что говорит о высокой значимости растительной символики для данного жанра. Чаще всего это песни, исполняемые перед отъездом невесты из дома родителей. Растения играют в тексте двоякую роль. Во-первых, они служат символическим изображением человека; наиболее частыми метафорами девушки-невесты служат роза, виноград и т. д. Во-вторых, невеста сажает в своем саду различные растения для своей будущей семьи: базилик для свекра, гвоздику для деверей и т. д. Символика растительных даров жениху не в последнюю очередь обусловлена этимологической магией, для которой важны названия растений: *миллодух* (любисток), *драголюб* (настурция). Если пышный сад с разнообразными растениями символизирует готовность девушки к браку, то его вытаптывание женихом и его свадебными гостями — дефлорацию и коитус. Таким образом, отдельные растения в свадебных песнях обладают каждой своей символикой, а вегетативный код в целом представляет аналогию человеческой жизни³.

К другим фольклорным жанрам обращается **С. Самарджия** в статье «**Из гербария сербских народных сказок (верования о растениях и жанровые системы)**». В отличие от лирики, где флора является активным структурно-семантическим компонентом, в сказках и преданиях у нее другие функции. Обрядово-магический и символический потенциал растений минимален в шуточных сказках и новеллах — обычно это прагматическое использование рас-

тений в качестве пищи. В баснях для характеристики растений служат не внешние особенности, а их диалог, и аллегория показывается через их различия, раскрывая свойства и характер главного героя. В сказках же тип растения нередко определяет его роль в тексте: крупные единичные деревья выступают как ось мира; цветы могут быть частью трудной задачи; цветы или травы с положительной символикой вырастают на могилах невинно преследуемых; золотая яблоня может выступать частью пейзажа, даром помощника или украшением; из зерен или плодов появляются чудесные богатыри. В культурно-исторических преданиях с помощью растений маркируется хронотоп или подтверждается физическая сила героя. Итак, автор убедительно показывает, что растение редко становится главным героем повествовательных жанров (хотя флора может занимать центральное место в этиологических преданиях и легендах) — в большинстве их растения появляются в результате семантической субституции. Символика растения сохраняет свой семантический потенциал, однако при его реализации в тексте смысл сужается тем или иным образом, в зависимости от конкретного жанра.

Для **Б. Сикимич** статья «**Как читать загадки: эротический мир культурных растений**» — уже не первое обращение к этой теме (см.: [Сикимич 1996]). В новой работе автор ставит себе задачу связать исследования в области славянской этноботаники с результатами работы фольклористов, которые занимаются проблемой эротики в фольклорном тексте. Прежде всего автор отмечает асимметрию растительного инвентаря загадок в зависимости от того, находится ли растение в тексте загадки (слева) или в отгадке (справа): если в загадках обычно представлены родовые понятия (лес, дерево, цветок) и небольшой ряд конкретных растений, то в отгадках диких растений практически нет. Иная картина наблюдается с культурными растениями: фрукты и овощи представлены конкретными названиями, причем с сильным смещением в сторону отгадок.

Как эротический может интерпретироваться весь текст загадки: на него

³ О русских параллелях см.: [Автамонов 1902].

намекает уже вводная формула, хотя последующий текст не оправдывает ожиданий. Как верно отмечает автор, такую загадку можно понять, лишь зная более широкий фольклорный контекст и его место в системе загадок. Анализируя наиболее актуальные для сербских загадок растения, Б. Сикимич убедительно демонстрирует, что обценные коннотации наблюдаются в основном у плодов съедобных растений, причем виноград, кукуруза, огурец, паприка благодаря своей форме наделяются атрибутами частей мужского тела, а инжир, мак и тыква — женского.

Более древним жанром — эпической поэзией — заинтересовалась М. Детелич в своей работе «**Могила в лесу: взаимодействие пространственного и растительного кодов в эпосе**»⁴. Анализу подвергается ситуация, возникающая после смерти героя/героев в лесу, когда всех погибших хоронят там, где их застала смерть. С точки зрения культа предков это жестоко и опасно, однако, как ни парадоксально это выглядит, эпос ни в коем случае не нарушает культурную норму, а соблюдает ее старейшие постулаты. Автор находит объяснения парадокса в особых правилах обращения с «нечистыми» покойниками. Лишенные погребения души подвержены воздействию темных сил или сами становятся демонами, опасными для живых, поэтому те стараются каждую душу привязать к могиле, а поскольку освященная земля по церковным правилам недоступна, погибшие должны быть похоронены там, где они умерли. Такие похороны являются как выражением любви к покойному, так и потребностью живых обеспечить безопасность и покой его душе. Выбор растений, которые сажают на могиле в лесу, обусловлен их символикой. Яблоня, роза и виноградная лоза связаны с культом мертвых, но они амбивалентны и потому представляют собой жертву мертвому и обещание вечности, обеспечивающей ему покой. То, что они имеют съедобные плоды и посажены у воды, также не случайность, а гарантия сезонного возобнов-

ления жертвенных обрядов. В общую структуру оформления могилы каждый элемент внес свои потенциальные значения: яблоня — ассоциацию с небесными телами, громом и молниями; виноградная лоза — древнейшую связь с душами и метемпсихозом, продолжением рода; роза — связь с кровью и познанием тайны; сосна/ель — идею мировой оси и древнюю функцию маркировки примечательного места; вода (в виде источника) — средства очищения и защиты от мертвых, источника жизни и границы, которую мертвые не могут пересечь. В заключительной части статьи автор выдвигает гипотезу относительно отсутствия мотива лесной могилы в мусульманских эпических поэмах на Балканах.

Наконец, последняя статья касается практического аспекта применения растений. Н. Мимица-Дукич рассмотрела такую актуальную тему, как «**Целебная сила растений и фитотерапия сегодня**». Автор отмечает рост интереса к фитомедицине не только в бедных и развивающихся странах, где это обусловлено экономическими причинами, но и в развитых странах, где растения все активнее используются в официальной медицине. Статья предваряется основательной историей вопроса: приводятся свидетельства о роли растений в жизни пещерных людей, а также сведения из Перу и Вавилона, Индии, Египта, Китая, данные античной и средневековой фитомедицинской культуры. Подчеркивается связь между стремительным развитием органической химии и фармацевтической индустрии во второй половине XX в. с открытием новых природных фармакологически и биологически активных субстанций с помощью химических и биохимических инструментальных методов. Следующим этапом стало биохимическое и фармакологическое исследование контроля биосинтеза активных соединений в растениях. Различая два облика фитотерапии — растительную медицину традиционной культуры, применяемую в современном контексте, и рациональную фитотерапию, основанную на научных знаниях об употреблении фитопрепаратов, Н. Мимица-Дукич в дальнейшем со-

⁴ Статья на русском языке публикуется в разделе «Мир иной... Памятники и память» этого номера альманаха.

средотачивается на последней и ставит себе задачу привести примеры наиболее известных лекарственных растений современной фитотерапии, расположив их по терапевтическому действию. Так, широко используются валериана, мелисса и хмель как седативные препараты, зверобой как антидепрессант, наперстянка — как средство от сердечной недостаточности, чеснок и омела — от гипертензии, арника, ива, пижма и розмарин — как противовоспалительные.

Завершая наш обзор, следует добавить еще несколько слов относительно методологии сборника. Хотя он позиционируется как фольклористическое издание, почти в каждой статье уделено внимание и языковой, и этнографической стороне вопроса, так что книгу вполне можно отнести к области этнолингвистики. Далее, несмотря на заявленный в заголовке интерес к конкретно сербской традиционной культуре, в большинстве статей читатель может найти многочисленные отсылки к параллелям из славянских, европейских и других традиций. Таким образом, сборник может служить отправной точкой для компаративных и типологических исследований в области этноботаники. Отдельный интерес представляет тематическая антология фольклорных текстов **«Мир флоры в верованиях, сказках, песнях, магической практике и лечении»**, составленная **З. Каранович, Я. Йокич, Б. Сикимич, Т. Вуйнович и В. Питулич** (с. 131—156).

Наконец, нельзя не отметить и еще одну сферу деятельности научного коллектива авторов сборника. 11—18 июля 2013 г. прошла Первая летняя школа сербского фольклора, организованная Центром изучения сербского фольклора Отдела сербской литературы (факультет философии, Нови Сад) на тему «Растения в сербском фольклоре и народной литературе (значение и функции)». Работа Школы состояла из семинара и полевой работы в горах Стара планина. Лекции читали преподаватели различных факультетов из Нови Сада, Белграда и Ниша, а полевая работа включала интервьюирование местных собирателей растений, этнографических экскурсий, посещения фитоаптек

в монастырях Раваница и Темска и выставки одежды и текстиля с растительными мотивами. В июле 2014 г. пройдет вторая школа. В теоретическом курсе будут затронуты аспекты растительного кода традиционной культуры, а во время полевых исследований планируется практическое применение полученных знаний: изучение традиционной фитотерапии, национальной кухни, растительных орнаментов, идентификация и сбор определенных видов растений.

Таким образом, деятельность научного коллектива, принявшего участие в создании сборника, выходит далеко за рамки фольклористических исследований сербского народного творчества, способствуя развитию этноботаники на международном уровне.

Литература

Автамонов 1902 — *Автамонов Я. А.* Символика растений в великорусских песнях // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344, № 11. Ноябрь. С. 46—101; № 12. Декабрь. С. 234—288.

Ђокић 2003 — *Ђокић М.* Српско-хрватски фитонимски деривати на *-ика* у индоевропском контексту (са посебним освртом на семасиологију назива за дате биљке у класичним језицима). Магистарски рад. Универзитет у Београду. Филозофски факултет. Одељење за класичне науке. Београд, 2003.

Карановић 2013 — *Карановић З.* «Милодуха да се милујемо» — обряд, магија, песня // Традиционална култура. 2013. № 4. С. 157—166.

Питулић 2007 — *Питулић В.* Семантика божура: усмено Косово. Београд, 2007.

Сикимић 1996 — *Сикимић Б.* Еротске конотације фитонима у народним загонеткама // Кодови словенских култура. 1996. Број 1. Година 1. Биљке. С. 57—67.

Сикимић 2013 — *Сикимић Б.* Метафора семейной генеалогии в южнославянских загадках о виноградной лозе // Традиционална култура. 2013. № 4. С. 119—127.

Чајкановић 1994 — *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1994.

Чајкановић 1985 — *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Рукопис приредио и допунио Војислав Ђурић. Београд, 1985.

Шпис-Ђулум 1995 — *Шпис-Ђулум М.* Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // Српски дијалектолошки зборник. XLI. Београд, 1995. С. 397—490.